

пошениям. Поэтому, рассматривая сознание и мышление как отражение объективной действительности, мы вовсе не отрицаем самого существования сознания и мышления, а только говорим о том, что они невозможны без отражаемой в них действительности. Язык, а следовательно, и языковой знак, являются в этом смысле еще более сложной категорией. Специфически языковой знак отражает объективную действительность, но ни в каком случае не сводится только к ней. Точно так же языковой знак отражает мыслительную сферу человека, но ни в каком случае тоже не сводится к ней.

В настоящей нашей статье мы и хотели бы коснуться некоторых вопросов из этой сложной области проблематики действительности мышления и языка, поскольку большинство существующих работ все еще находится под гипнозом асемантического структурализма и все еще игнорируют чисто человеческую практику, которой принадлежит здесь решающая роль. Естественно, что, взывая к такой, казалось бы, простейшей области, как человек и его история, мы должны будем высказывать некоторого рода суждения, может быть слишком уж очевидного и слишком уж банального характера, тем более, что мы претендуем на ясность и простоту изложения, которыми наши лингвистические труды часто вовсе не отличаются. Однако правильная банальность лучше, чем неправильная и запутывающая схоластика. Маленькое начало соответствующего исследования мы пытались создать в статье «Аксиоматика знаковой теории языка»³. Но как мы сказали в конце этой статьи, нас интересовали там пока еще только структурные проблемы языкового знака, а не сам языковой знак в его существе. В предлагаемой сейчас статье мы пытаемся продолжить изучение языкового знака уже в пределах его чисто языкового же функционирования.

Прежде всего, нам хотелось бы сформулировать несколько тезисов вполне банального характера. Но их забвение грозит ниспровергнуть всю теорию искомой нами специфики языкового знака.

Первый наш тезис возглашает, как нам кажется, простейшую истину. Именно, *всякий знак языка есть акт человеческого мышления*. И здесь же мы предлагаем наш второй основной тезис: именно, *всякий языковой знак есть акт человеческого мышления, отражающий собою ту или иную систему смысловых отношений в мыслимом им и независимо от него существующем предмете*.

Казалось бы, очевидно само собой, что человеческий язык невозможен без человеческого мышления и что каждый языковой знак есть прежде всего акт человеческого мышления. Однако попытки свести язык на внеязыковые структуры наложили настолько тяжелый след на все языкознание, что работники этого последнего часто просто забывают, что для языка необходимо мышление, и, не учитывая этого мыслительного происхождения языка, часто затрачивают огромные усилия, чтобы формулировать специфику языкового знака; и, как уже было сказано, попытки эти далеко не всегда увенчиваются успехом. Надо эту простейшую аксиому о мышлении как об источнике языка самым серьезным образом принимать во внимание наряду со всеми теми аксиомами, которые говорят о зависимости языка от объективной действительности и о зависимости языкового знака от обозначаемой им внезнаковой предметности.

Формулируем теперь также и наш третий тезис, который тоже представляется нам самоочевидным. *Всякий языковой знак, отражающий ту или иную систему отношений в обозначаемом им предмете, пользуется этим отражением свободно, произвольно и уже независимо от объективной истинности отраженной в нем предметной системы отношений, равно как и от самого мышления, актом которого является знак языка*.

³ Напечатано в кн.: «Вопросы грамматики и лексики русского языка. Сборник трудов каф. общ. языкознания МГПИ им. В. И. Ленина». М., 1973, с. 22—55.